

СПОСОБЫ И АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ ЛИЦ В РОДСТВЕННЫХ И РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Сейхан Сена Хатидже

магистр 2 курса УзГУМЯ

<https://www.doi.org/10.5281/zenodo.7936290>

ARTICLE INFO

Received: 05th May 2023

Accepted: 13th May 2023

Online: 15th May 2023

KEY WORDS

Названия лиц, апеллативы, морфологический аспект, словообразовательный аспект, стилистический аспект, метафоричность, фразеологизмы, метонимический способ.

ABSTRACT

В статье рассматриваются различные способы образования названий лиц – обширного лексического пласта, в котором постоянно происходят наиболее интенсивные процессы изменения, обновления и пополнения объема. На материале трех языков (двух тюркских и одного восточнославянского) проводится сопоставление этих процессов как в синхронном, так и в диахронном планах развития этих языков

В лексическом пласте «названия лиц» есть своя специфика образования нужных значений, а также их нюансов. Языковые средства, используемые в этих целях, многообразны и имеют своим источником возможности практически всех уровней языковой системы. Даже фонетика, в аспекте произносительных норм, иногда вносит свой вклад в дело различения оттенков значения, присущих словам рассматриваемой нами группы. Например, в русском языке иногда нарушается правило произношения безударного *o* как [a], когда дело касается высоких стилей речи. Это относится к таким, например, словам, как *поэт* и *маэстро*. По свидетельству опрошенных нами лиц старшего поколения, из-за незнания этой тонкости насмешливой критике от журналистов подвергалась в своё время популярная во всем СНГ поп-звезда Алла Пугачева, когда она пела, произнося «проблемное» слово в соответствии с принятыми в языке правилами, но в данном случае это звучало как ошибка, как нарушение: «Меня узнайте Вы, *маэстр[a]!*». Точно так же и слову *поэт* присуще то же самое нарушение повседневной произносительной нормы, если оно находится в высоком контексте (стихотворение, торжественная похвала, другие высокие жанры речи): безударное *o* произносится не редуцированно. Как правило, некоторая осмотрительность требуется, в этой связи по отношению ко всем словам иностранного происхождения на –*o* (*кабальеро, жиголо, импрессарио*).

Конечно, более всего языковая специфика данной лексической группы видна на словообразовательном уровне. Так, во всех рассматриваемых нами языках весьма продуктивным является способ образования названий лиц по роду деятельности с помощью суффиксов от соответствующих глаголов. В русском языке самым частотным

в этом качестве является суффикс *-тель* (со своим феминитивом *-тельница(a)*, в узбекском - *-чи*, в турецком - *-джи, -чи*).

Учить – *учитель*; *строить* – *строитель*; *водить* – *водитель*; в этих примерах на русском языке с помощью суффикса *-тель*, а на турецком языке *-джи, -чи* образовано наименование профессии. Например: *boyatak* (*красить*) – *boyacı*(*маляр*); *elektrik* – *elektrikçi*; *pazar* – *pazarıcı*; *simit* – *simitçi*; *cam*(*стекло*) – *camcı*(*стекольщик*); *demir*(*железо*) – *demirci*(*кузнец*); *banka* – *bankacı*; *temizlik*(*уборка*) – *temizliği*(*уборщик*); *bilgiayar*(*компьютер*) – *bilgisayarcı*(*компьютерщик*); *telefon* – *telefoncu*. Это наиболее распространенная модель, однако с помощью данного суффикса образуются и другие группы значений, например, *мучитель, ревнитель, устроитель*. Таким образом, суффикс в русском языке имеет очень широкую сферу применения, означая как профессию, так и любое наименование лица по признаку производимого действия, если оно значимо и характеризуется определенной интенсивностью, протяженностью и актуальностью для воспринимающего и называющего это лицо. Другой суффикс, также очень продуктивный – иноязычного происхождения для всех трех языков: *-ер (-or, -ёр)*. По причине своей инородности этот суффикс не выделяется как отдельная морфема, а входит в состав корня, так как нечем обосновать производность данной группы слов. *Инженер, маклер, монтажёр, дирижёр, администратор* – все эти слова заимствованы и русским языком, и узбекским, и турецким из других языков, но воспринимаются как вполне «свои», так как виды деятельности, ими обозначаемые, давно стали повседневной реальностью. Поэтому и слово утратило первоначальную свою «экзотичность». Слова с этим суффиксом интересны тем, что они заимствованы из разных языков, хотя сейчас они ощущаются как однородные в морфологическом плане. Например, такие слова, как *доктор, донор, конструктор, губернатор, император, прокурор, регистратор, гладиатор, цензор, триумфатор* и др. пришли из латыни (конечный *-тор* является признаком заимствования именно из этого языка), а *майор, ефрейтор, офицер, юнкер* (военные звания) – из немецкого. Также немало слов вошло в русский через немцев-ремесленников, среди них такое частотное, как *мастер*. Другие немецкие заимствования названий лиц с этим суффиксом: *парикмахер, брендмейстер, канцлер, капельдинер, капельмейстер, камергер, камердинер*. Однако из них только *канцлер* и *парикмахер* не являются историзмами и архаизмами. Из голландского пришло «морское» слово *шкипер*, а из английского - *докер, боксёр, лидер, пионер*.

Тематика французской лексики из группы названий лиц с этим суффиксом, представленная в русском языке, очень разнообразна. Это и военные слова *командор, гренадёр, мушкетёр, сапёр*, и слова, связанные с искусством *дирижёр, антрепренёр*, и множество разнотемных слов: *кавалер, каскадёр, дублёр, командор, фрондёр* и др. Для лексики, пришедшей в русский из этих языков, характерно наличие конечного *безударного -ер* в существительных, но слова *репортёр, боксёр, вахтёр* и некоторые другие испытали влияние французских заимствований типа *монтажёр, сапёр, режиссёр*. Примечательно, что в словах этой группы крайне непродуктивным и редким случаем является образование феминитивов.

В русском языке много слов, обозначающих профессии, с окончанием *-ар* (*столяр, гончар, маляр, дояр*), в них тоже старый суффикс стал частью корня, так как ушло из

языка то понятие, от которого слово было когда-то образовано. Кроме того, в русском языке имеются и другие обозначения лица, в которых *-яр* – это именно суффикс, так как производная основа устанавливается легко: *юбиляр, школяр, фигляр*. В этой группе также нетипичны феминитивы.

Очень продуктивным в русском языке является также суффикс *-щик* (наряду с его феминитивом *-щица*), и он, наряду с *-тель* и *-ер*, образует исключительно названия лиц (*дрессировщик, крановщик, монтировщик* – профессии; *лакировщик (действительности), обманщик, бунтовщик, выдумщик, жалобщик, заговорщик, застрельщик* – названия лиц с негативно-осуждающей оценкой (по моральным качествам). Интересно, что некоторые архаизмы с этим суффиксом приобрели обновленное значение в языке: прежний род деятельности, ими обозначаемый, устарел, но слово осталось для метафорического обозначения лица, занимающегося, по мнению говорящего, чем-то предосудительным, позорным, низким: *надсмотрщик, плакальщик, ростовщик*. Есть и другие слова с выраженным негативным значением, образованные с помощью этого суффикса и не являющиеся при этом архаизмами или историзмами: *пиарщик* (это скорее наоборот – неологизм), *перестраховщик, притворщик, перекупщик*.

Слова с суффиксом *-ник* (а также *-ница* в качестве соответствующего ему феминитива) также относятся к продуктивному словообразовательному типу для образования названия лиц. С его помощью возникли и обозначения человека по сфере трудовой деятельности (*физкультурник, художник, чертёжник, чиновник*); и обозначения временно актуального состояния лица по виду занятости (*ученик, школьник, пятиклассник, второкурсник*); и негативные характеристики в моральной области (*склочник, ябедник, умник* (с ироничным оттенком), *человеконенавистник*; и положительные характеристики по определенному качеству (*трезвенник, хозяйственник*; вместе с приставкой *со-* данный суффикс образует название лица по совместному роду занятий (*сотрудник, сообщник, собутыльник*), и многие другие. Нет, кажется, ни одной сферы человеческой активности, которую не мог бы «освоить» этот суффикс в русском языке.

Особая группа разговорных наименований лиц по сфере деятельности – это образованные от аббревиатур слова на *-шник*. К ним прибегают, чтобы избежать двусловности (*гаишник, фээсбэшник*

вместо *инспектор ГАИ, работник ФСБ*). Суффикс *-ец* обладает не меньшей частотностью в назывании лиц по многим тематическим параметрам. По роду деятельности слов с таким суффиксом мало: *живописец, гвардеец, морпехотинец, канатоходец*; но очень много слов активного запаса из самых различных сфер называния человека: *боец, отец, жилец, выходец, голодранец, однофамилец, первопроходец, вегетарианец*. Феминитивы в данной группе образуются не для всех слов; к примеру, из названных они возможны только для двух: *канатоходка* и *вегетарианка*. Слово *жилица* образуется с помощью другого суффикса и является на сегодняшний день устаревшим. Как видим, в данной группе слов много сложных, составленных из двух основ (*ходить по канату – канатоходец*; (быть) *одной фамилии* (с кем-либо) – *однофамилец*; *морская пехота – морпехотинец*).

Исследователи А.В.Роденко и Г.Сагдуллаев в своей статье отмечают, что в словообразовательном плане между русским и узбекским языками немало общего, например, «наличие определенных форм прилагательных: уменьшительно-ласкательной и усилительной формы... *yaxshigina* – «хорошенький»; *esligina* – «умный». В той же статье отмечено, что «важной особенностью узбекского языка является его развернутая комбинаторная способность. Узбекский язык обладает разнообразнейшей аффиксацией [35, с.49]. Это языковое явление фундаментально для тюркских языков и для тюркского сознания: к основам присоединяются различные функциональные аффиксы и в результате этой комбинации меняется целое» [там же, с. 56]. Одним из преимуществ такой системы является то, что в тюркских языках в одном слове можно выразить такую важную деталь характеристики, как принадлежность. Особенно важна такая компактность в подгруппе родственных обозначений:

Продуктивным также является словообразовательный тип усечение основы (отглагольной): *бедокур, самодур, балагур, смолукур, штукатур*, также охватывающий разные тематические подгруппы данного лексического пласта.

Тенденцией к сокращению и «упрощению» слов для разговорно-непринужденного стиля речи объясняется появление и такие разговорно-просторечных вариантов, как *дембель* (демобилизированный), *води́ла* (водитель), *терпи́ла* (грубо-пренебрежительное название для слишком покорного и безответного человека).

Для русского языка также очень характерно явление субстантивации в отношении лексики названия лиц. *Рабочий, больной, военный, заведующий, крутой, командующий, взрослый, военный, левый, правый* (о занимаемой политической позиции), *участковый, женатый* – слова такого словообразовательного типа прочно закрепились в современном русском языке в качестве существительных, определяющих человека по той или иной характеристике.

Мы заметили очень любопытное, нестандартное явление в плане образования характеристики человека в русском языке в ситуации непосредственного общения. Когда нужно назвать собеседника как-то нелицеприятно, выразить неодобрение или досаду от его поступка или действия, о котором он обычно сам только что рассказал, в последнее время стало принято говорить «в лицо» не сами эти подразумеваемые конкретные негативные оценки (к примеру, *раззява, нахал, бестолочь, тормоз*), но ограничиваться косвенным выражением своего неодобрения: «Ну ты вообще!» или «Ну ты даёшь!». Эти слова-заместители стали восприниматься и пониматься всеми именно как характеристики «по умолчанию», так как они выступают в функции субстантивированных прилагательных. Это явление относится только к подгруппе названий лиц по моральным качествам, то есть к тем, что содержат в себе возможность эмоционального отзыва или оценивания.

Еще один путь образования лиц, продуктивный в русском языке – метонимический (включающий в число своих единиц также и синекдохи). Назвать значимую часть вместо целого – выразительный и ёмкий способ создания нужного названия или характеристики. *голова* – об умном человеке; *золотые руки* – об умелом мастере. В случае собирательного значения лиц часто используется конструкция типа

«аудитория молчит» (называется помещение вместо студентов, в ней находящихся); село, деревня – провинциальное место жительства часто выступает в роли заместителя социальной роли и является негативной пренебрежительной характеристикой лица (такое название используют в случае незнания модных трендов, принятых в определённой среде манер и т.п.). если о человеке сказать *деревенский*, это будет характеристикой по месту жительства, но если *деревня* – сразу смысл изменится на пренебрежительно-оскорбительный.

Метафорический способ образования названий лиц также довольно продуктивен во всех трёх рассматриваемых нами языках. Сюда относятся аппеллативы, характеристики или оценки, сделанные на основе сравнения с чем-либо. При назывании человека важна ёмкость и краткость, и метафора, будучи скрытым сравнением (обходящимся, следовательно, без союзов *как*, *будто* или *словно*), отвечает этим требованиям в наилучшей мере, и к тому же располагает оригинальной выразительностью в своих значениях. Цицерон определял этот распространённый в языке троп так: «Метафора есть сравнение, сокращённое до единственного слова» [1, 216]. В этой области имеют хождение как общеязыковые метафоры (*бесхребетный*, *медведь*, *лиса*, *пышка*), так и ситуативно-индивидуальные, основанные на собственном языковом воображении говорящих (в уже упомянутой нами ранее книге «Чалыкушу» таким удачным изобретением, потом широко распространившимся по всей округе, стало ласковое прозвище для героини - *Гюльбешекер*).

Узбекский исследователь Х.Т. Нуруллаев в своей статье показал, как часто в узбекском языке используется еще один источник метафорического и метонимического названия лиц по внешнему облику: фразеологизмы. Мы выберем из них только те, что представляют собой прямую оценку и характеристику лица. «Фразеологизм *юзидан қон томади* (буквально: кровь капает с её лица) применяется к здоровой и красивой женщине. Следует отметить, что в узбекском народе особое внимание уделяется красоте женского лица, глаз и бровей: ... *кўзлари хумор* (*хумор кўз*) (глаза с поволокой), *чарос кўз* (...обладатель(ница) таких глаз), *қора қош* (обладательница красивых чёрных бровей), *қоши камон* (...имеющий изогнутые брови), *қоши қалам* (...обладательница красивых тонких бровей), *қоши қундуз* (бровь как у норки, густая, блестящая). ... В узбекском языке ... фраза *сочи сунбул* (чёрные, душистые волосы) используется для обозначения красивой женщины. Также мелко заплетённые косички издавна были отражением красоты узбекских девушек. Образ женщины с тонко заплетёнными волосами описывается фразеологией узбекского языка (...девушка с мелко заплетёнными косичками)». Что касается внешности мужчин, в статье сделано интересное лингвокультурное наблюдение: в узбекском языке слов и выражений такого рода мало, так как эта сторона характеристики мужчины не представляется важной в узбекском менталитете. Также этот исследователь приводит такие фразеологические номинативы в узбекском языке, которые являются характеристикой человека по возрасту: *суяги қотмаган* (невзрослый; букв. с неотвердевшими костями), *оғзидан она сути кетмаган* (молоко на губах не обсохло) [30, 57].

Особую группу названий лиц составляют те из них, что пришли из басен, сказок, Библии и Корана – наиболее традиционных источников образности и в искусстве, и для оценивания людей в типических чертах их личности и поведения. *Слон в посудной лавке* – так говорят о неловком, неуклюжем человеке; *Каин* – о злодее. Отдельную, большую и устойчивую во времени группу составляют названия человека «животными» именами (зооморфизм): *свинья* (о грязнule либо о нравственно неразборчивом человеке), *козёл* (очень оскорбительное, бранное слово для совершенно презренного человека), *кабан* (о толстом или просто здоровенном человеке), *собака (пёс)* (оскорбительный апеллатив, как правило, относящийся к значительно ниже стоящим по социальной лестнице), *крыса* (о подлом, скрытном и хитром поведении). Некоторое время назад в русском языке узбекистанцев было широко распространено слово-характеристика *жук*: так говорили о хитром, себе на уме, ловком и немного жуликоватом человеке. Также от людей старшего поколения мы узнали, что в Ташкенте на местном рынке с метонимическим названием «Ипподром» когда-то было популярно наименование *сайгак* для продавцов, не имеющих постоянного и легального торгового места и занимающихся поиском и зазыванием покупателей прямо в проходах и рядах рынка. Иногда невозможно проследить прямую связь слова и качества, которое за ним закреплено: например, слово *шляпа* в значении рассеянный или что-то упустивший по невнимательности человек; *ворона* в том же значении (правда, в последнем случае многие полагают, что так говорится из-за соответствующего сюжета басни «Ворона и лисица»).

Стилистические синонимы также распространены в лексическом пласте «названия лиц». Например, в разных речевых ситуациях уместны разные синонимы: *здоровомыслящий, благоразумный, с высоким IQ* (художественный, публицистический и официально-деловой стили речи); *толковый, смыслёный, понятливый* (разговорный стиль, с положительной окраской); *башковитый, головастый* (разговорный, с грубовато-фамильярным оттенком).

Итак, способы образования названий лиц весьма многообразны. Эта сфера языковой активности отличается, на наш взгляд, наибольшей изобретательностью, вариативностью и богатством в аспекте используемых носителями языка словообразовательных, морфологических и стилистических средств. В этом направлении задействованы многочисленные суффиксы, образующие названия лиц либо от глаголов соответствующей деятельности, которой занят называемый, либо от словосочетаний, также описывающих ту или иную деятельность, способность или качество лица, к которому относится такая характеристика. Именно в этой подгруппе работают разнообразные «художественные» возможности лексической системы языка: с помощью метафор и метонимий даётся выразительная и краткая, понятная без объяснений характеристика человеку по тому или иному качеству или признаку. Еще одной выразительной возможностью в данной группе лексики является прямое соотнесение называемого лица со всем говорящим на данном языке известными образами священных книг, сказок или басен, что сообщает этому лексическому пласту особую культурно-смысловую насыщенность и значимость.

References:

1. Азизов О. Тилларни киёсий ўрганиш масаласига доир // Туркий тилларнинг тарақиёти муаммолари. – Тошкент: Фан, 1995. – С. 20-21.
2. Азнаурова, Э.С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи Текст. / Э.С. Азнаурова // Языковая номинация: сб. науч. тр. -М.: Наука, 1977. С. 86-128.
3. Бахромова Д.К. Национально-культурная специфика репрезентации антропозооморфизмов в узбекском и испанском языках // univsum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2017. №10 (44). URL: <http://7nivsum.com/ru/philology/archive/item/5186>
4. Нуруллаев Х.Т. Внешний облик человека в немецкой и узбекской лингвокультуре (на примере соматических фразеологизмов). - Scientific-methodological electronic journal "Foreign Languages in Uzbekistan (Узбекистонда хорижий тиллар). – 2021. - № 5(40). - С.56-58. – URL:<https://doi.org/10.36078/1637735713>
5. Роденко А. В. , Сагдулаев Г. Сопоставительный анализ именных частей речи русского и узбекского языков // Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования: сб. науч. тр.: в 2 ч. // редкол.: Л. А. Годуйко [и др.]; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест: БрГУ, 2014. - Ч. 1. - 288 с.